

Глава 36. Наследный принц

Миновав врата Умэнь и пройдя через Врата Фэнтянь, путник оказывался на широком тракте, ведущем к самому сердцу императорской власти. Там, в окружении величественных башен — Гражданской Вэньлоу и Военной Улоу, — возвышался зал Фэнтянь, где государь принимал своих подданных. Сразу за ним, соединённый переходом через зал Хуагай, располагался зал Цзиньшэнь — место, где Сын Неба вершил повседневные дела империи.

Оба этих чертога, стоящих на девятифутовом возвышении, венчали центр дворцового города. Двойные карнизы, киноварный лак и золотая черепица — всё здесь безмолвно взывало к трепету перед императорским величием.

В нескольких сотнях метров к востоку от залов Фэнтянь и Цзиньшэнь находилось здание, уступавшее им в размахе, но не в благородстве. Те же алые стены и золотое убранство, те же крутые скаты крыш... Здесь, в зале Чуньхэ, располагалась резиденция второго по значимости человека в государстве Юй — наследного принца.

Однако, вопреки высокому статусу хозяина, в эти дни в залах Чуньхэ царил гнетущее безмолвие.

Снаружи, через каждые семь шагов, застыли суровые гвардейцы. Стража менялась трижды в день, не смыкая глаз ни в зной, ни в стужу. Они надёжно оберегали покой дворца от мирской суеты, но ещё надёжнее они следили за тем, чтобы воля принца, томящегося под домашним арестом, не покинула пределов этих стен.

В боковом павильоне давно убрали пышную обстановку. Остался лишь алтарный стол да коврик для молитв.

Молодой человек в простых одеждах, бледный и отрешённый, стоял на коленях, прикрыв глаза. Его пальцы мерно перебирали чётки из восьмидесяти одной бусины нефрита, круг за кругом, без конца. Лицо, которое прежде всегда освещала мягкая улыбка, теперь казалось застывшей маской — холодной и суровой.

На алтаре курились благовония, стояли свежие фрукты и цветы. Перед ними безмолвно возвышалась поминальная табличка покойной императрицы.

Тонкий луч солнца пробился сквозь щёлку в дверях и, точно лезвие меча, рассёк спину юноши, разделяя мрак и свет.

Внезапно пламя свечи на алтаре дрогнуло. Блик заплясал на веках принца, но тот не шелохнулся. Лишь когда огонь успокоился, он открыл глаза. У ножки стола бесшумно легли два листка жёлтой бумаги, предназначенной для высочайших докладов.

Лицо юноши осталось неподвижным. Он взял бумаги, прижал руку к груди и долго, надсадно кашлял. Прочтя донесения, он поднёс их к свече. Бумага вспыхнула, на миг осветив комнату ярче прежнего, и через мгновение от тайн не осталось даже пепла.

— Шилиу, войди, — раздался в тишине павильона хриплый, ледяной голос.

Створка двери едва заметно приоткрылась, и в покои, подобно призрачной тени, скользнул человек. Он бесшумно опустился на одно колено за спиной принца.

— Что слышно снаружи?

Тень ответила ровным, лишённым красок голосом:

— Наложница Кан возведена в сан благородной наложницы и переехала в дворец Куньнин, приняв власть над шестью дворцами. Её новообретённый брат пожалован титулом маркиза и именем Кан Чжун. Третий принц наречён князем Цзинь.

— Указ вышел сегодня?

— Четверть часа назад его огласили в зале Цзиньшэнь, — последовал лаконичный ответ.

Принц поднял взгляд на табличку, скрытую за струйками дыма, и долго молчал, пока новый приступ кашля не заставил его содрогнуться всем телом.

— Ваше Высочество... — в голосе тени, прежде невозмутимом, промелькнула тень беспокойства. Слуга качнулся вперёд.

Скудный свет свечи отразился в алой родинке на его лбу. Самый доверенный приближённый наследника, Шилиу, оказался двадцатилетним гээр с тонкими чертами лица.

Император Юаньхуа не жаловал гээр при дворе, и среди высокопоставленных слуг их было почти не встретить. Шилиу был тем редким исключением, о котором за пределами дворца Чуньхэ почти никто не знал.

Цзя Хунъюань крепко сжал кулаки, усмиряя боль.

— Пустяки, — бросил он небрежно. — Это тело недужно с рождения, пара месяцев ничего не решит. — Он помолчал и добавил: — Шилиу, тебе нужно покинуть дворец. Отправляйся в Ляочжоу.

Шилиу склонил голову, принимая приказ, но не сдвинулся с места. Хунъюань вскинул бровь:

— Твой нрав становится всё строже. Или мне теперь нужно оправдываться перед тобой?

— Подданный не смеет, — Шилиу закусил губу и уже собрался уходить, но принц окликнул его:
— Я ещё не закончил. К чему такая спешка?

— ...

Хунъюань тихо рассмеялся. В свете свечей его черты смягчились, явив лик неопикуемой красоты, что на миг отразилась в холодном взоре Шилиу. Прикрыв рот рукой, принц снова кашлянул и продолжил:

— У Шэнь отличился в гарнизоне Цзиншань. Я, его кузен, не только не могу защитить его, но и стал помехой для его продвижения. Навести его. Пусть мой взор обратится туда через тебя, тогда мне станет спокойнее.

Шилиу молча кивнул. Он запоминал каждое слово принца, принимая их на веру — как и подобает верной тени.

— В Восточном дворце почти не осталось ценностей, а крупные вещи привлекут ненужное внимание. Иди в лечебницу, возьми побольше редких снадобий. Пока я всё ещё наследный принц, они не посмеют отказать мне в лекарствах. Многие шепчутся... что я не переживу отца...

Тень хранила молчание, лишь внимая словам господина. С тех пор как ушла из жизни императрица, Хунъюань позволял себе искренность только перед ним. Да и то — лишь в паре фраз.

— Когда закончишь с лекарствами, отложи одну часть отдельно. На обратном пути из гарнизона загляни в префектуру Сянпин, а оттуда — в деревню семьи Ду уезда Чжан. Навести Ду Юньсэ. Помнишь его?

— Лучший ученик господина Вэня. Он был соучеником Вашего Высочества.

Хунъюань кивнул.

— Ду Юньсэ... — Он взглянул на бесстрастное лицо Шилиу и вдруг усмехнулся: — Кто бы мог подумать, что он так привяжется к своему мужу-воспитаннику из родных краев. В своё время он отвергал все предложения о браке, и я полагал, что он просто холоден к подобным чувствам. У его мужа слабое здоровье, твои дары придутся как раз кстати. Передай их и возвращайся, лишних слов не нужно.

Шилиу коротко ответил согласием, но перед тем как уйти, добавил:

— Госпожа Цайвэй просила напомнить Вашему Высочеству о трапезе и приёме снадобий.

— Хм, — Хунъюань усмехнулся. — Ты же знаешь, они просто боятся меня и потому всякий раз выставляют тебя вперёд.

Шилиу промолчал, и принц взмахом руки отпустил его.

До опалы в народе говорили, что наследный принц, хоть и слаб телом, но светел душой и чист помыслами. Шептались, что нравом он пошёл в покойную матушку, а не в грозного отца. Только те немногие, кто годами служил в залах Чуньхэ, знали правду: характер их господина никогда не был таким кротким и мягким, как гласила молва...

Три указа императора Юаньхуа облетели столицу меньше чем за полдня.

В усадьбе Пинсянь-вана — самой величественной среди домов знати — царило напряжение. В потайном кабинете в глубине сада второй принц, Цзя Хуни, с силой опустил на стол чашу из изумрудного стекла. Массивный столик из сандала отозвался глухим стоном.

Таких редкостей нечасто встретишь даже в императорских покоях, но завсегдатаи резиденции Пинсянь-вана давно привыкли к подобной роскоши.

У покойного государя было семеро сыновей. В годы его заката империю терзали смуты, власть ускользала из рук, и многие принцы затаили мысли о троне. В той кровавой борьбе Юаньхуа не был ни первенцем, ни любимцем отца. Он возвысился в армии, проложив путь к власти мечом: двоих братьев застрелил, одного довёл до петли, двоих заточил в темницы. Он взошёл на престол, ступая по крови родной крови.

И в этом ему неизменно помогал старший брат — Цзя Хэянь, которого отец обделил вниманием из-за низкого происхождения матери. Став императором, Юаньхуа пожаловал брату титул наследного князя первой степени с правом передачи потомкам, выбрав для него девиз «Пинсянь» — Справедливый и Мудрый.

«Тот, кто взвешивает дела без пристрастия, зовётся справедливым; тот, кто совершенен в добродетели и талантах, зовётся мудрым».

В этом двойном титуле крылось всё почтение государя к брату. За эти годы Пинсянь-ван не раз оступался в мелочах, его клеймили цензоры, но он никогда не терял милости брата. Даже нынешняя благородная наложница Кан была его подарком императору пятнадцать лет назад.

Князь нашёл в народе девушку, лицом точь-в-точь похожую на покойную императрицу, и ввёл её во дворец. Многие тогда лишились дара речи от страха, ожидая гнева вспыльчивого

государя. Но вельможа остался в милости, а наложница Кан все эти годы не знала соперниц в сердце императора. Поистине, пути владыки неисповедимы.

При мыслях о том, что отец возвысил и наложницу, и её сына, а теперь ещё и её безродный брат стал маркизом, в то время как он сам не получил ничего, Цзя Хуни задохнулся от ярости. Он не мог найти себе места, пока через четверть часа в кабинет не вошёл сам Пинсянь-ван.

Пятидесятилетний старец неспешно приблизился, отпустил слуг и с улыбкой заметил:

— Хуни, ты примчался в такой спешке... Тебе всё ещё не хватает выдержки.

Принц нахмурился:

— Я пришёл тайным ходом, никто не видел. Что значат эти указы? Бог с ним, с этим чахоточным Хунъюанем, но с какой стати Хунхань теперь выше меня?

Собеседник пригубил чай, не теряя спокойствия.

— К чему эти речи, Ваше Высочество?

Лишь когда принц окончательно закипел, Пинсянь-ван отставил чашу:

— Это всего лишь титул князя Цзинь. Вам стоит смотреть дальше.

— Дальше? — Хуни горько усмехнулся. — Ждать, пока благородная наложница родит императору нового сына, который и унаследует трон? Одной памяти о покойной императрице хватает, чтобы этот доходяга Хунъюань крепко сидел на месте наследника. Даже после того, как вскрылись его делишки с налогами на юге, его лишь заперли во дворце, но так и не лишили статуса. А если у живой и любимой наложницы родится сын, он же нас всех в грязь втопчет! Отец столько лет не желал новой императрицы, а теперь селит её в Куньнин — покой законной супруги. Жалует её брату титул, даёт власть над дворцами, право стоять подле себя на обрядах... Стоит ей понести, и её тут же провозгласят императрицей!

Если титул брата злил Хуни, то небывалое возвышение наложницы Кан пугало его по-настоящему.

Старейшина покачал головой:

— Племянник, ты забыл, кто привёл её во дворец?

Хуни не успокоился:

— Ты держишь в руках её родню, но что значат эти люди перед блеском трона? Мой отец в своё время тоже... — Он оборвал себя и продолжил тише: — К тому же император не вернул её брату родовое имя, а нарёк его Кан Чжуном. Новый маркиз вовсе не обязан плясать под нашу дудку.

Князь негромко рассмеялся:

— Ваше Высочество, вы сейчас слишком взволнованы. Подумайте, в чём ваша истинная сила. Вспомните, почему я выбрал именно вас.

Истинная сила... Принц был сыном, более всех похожим на отца: искущён в воинском деле, способен вести армии, и его поддерживали полководцы и старая знать. Если бы не тень покойной императрицы, что хранила наследника в сердце государя, это место давно бы принадлежало ему.

Видя, что юноша понемногу остывает, Пинсянь-ван удовлетворённо кивнул:

— С новым маркизом Тайпином я что-нибудь придумаю. А что до благородной наложницы Кан... она не сможет родить. Будьте спокойны.

Глаза Хуни округлились. Собеседник улыбнулся:

— Племянник, я с самого начала не оставляю лазеек для беды.

Несмотря на начало лета, Цзя Хуни, сидя в прохладном павильоне у пруда, вдруг почувствовал, как ледяной холод пробирает его до самых костей.

Повозка семьи Чжу была вдвое просторнее тех, что сдавались в наём, а кони — куда резвее и выносливее. Хотя в пути они часто останавливались ради здоровья Хуаняня, дорога до уезда Чжан заняла всего пять дней.

Вместе с путём до префектуры и обратно их не было дома почти месяц. Нынешний год радовал дождями и теплом: вдоль дорог буйно зеленели посевы, кукуруза уже поднялась по колено, а пшеница и рис начали наливаться силой.

Окрепший за время отдыха Хуанянь с интересом поглядывал в окно на проплывающие мимо поля, прикидывая в уме, как поживает его хлопок.

Месяц — срок немалый. Период укоренения давно прошёл, и сейчас, в конце пятого лунного месяца, хлопок должен был вот-вот зацвести. На кустах должны были появиться бутоны. С

приходом жары пробуждался и главный враг — хлопковая совка. Если упустить время, можно лишиться половины урожая. В эпоху, когда не знали химикатов, борьба с вредителями была для земледельца сущей мукой.

К счастью, юноша в прошлой жизни, готовя свои видео, не раз беседовал с опытными хлопкоробами и выведал у них старинные, но надёжные способы защиты. Биофермент — название звучало современно, но состав его был полностью натуральным, и повторить его в древности не составляло труда. Перед отъездом в город Хуанянь смешал все компоненты в чанах и велел Цзюцзю ежедневно их помешивать. Теперь состав должен был созреть.

Вспомнив о сестренке, юноша улыбнулся, подумав о шёлковых цветах и рогатке, что купил детям. Цзюцзю любила наряжаться, а Чуньшэн никогда не сидел на месте. Редкие для их уезда подарки наверняка приведут их в восторг.

— О чём задумался? — негромко спросил Юньсэ.

Цю Хуанянь обернулся. Супруг сидел у другого окна и, отложив книгу, обнял его за плечи. Хуанянь прислонился к его крепкому плечу и довольно прикрыл глаза.

Эта поездка в префектуру подарила им нечто большее, чем просто успех. Их чувства наконец открылись друг другу, отношения стали глубокими и истинными — точно они провели медовый месяц только вдвоём. Теперь, возвращаясь к привычной жизни, они знали: их будни будут наполнены счастьем и заботой.

— Месяца дома не было. Гадаю, не случилось ли в деревне чего важного.

— Ты всё наказал перед отъездом, глава клана присмотрит. Да и Ду Юньцзина с его семейкой в деревне нет, так что всё будет в порядке.

Молодой человек кивнул. Оно-то так, но пока сам не увидишь — на сердце беспокойно.

Когда карета въехала в земли деревни Ду, Хуанянь начал узнавать знакомые лица. Соседи, завидев на деревенской дороге нарядную незнакомую повозку, бросали работу и провожали её долгими взглядами.

— Матушки, гляньте на карету! Шторы-то шёлковые, так и сияют на солнце!

— А лошадь! Гляди, какая статная, какая мощная!

— Кто это в нашем уезде на таких экипажах разъезжает? Да ещё в нашу деревню пожаловал...

— Поговаривают, Юньсэ и Юньцзин в городе экзамены сдали, в сюцаи выбились. Неужто они?

— Сдать-то сдали, но откуда такое богатство? Чай не цзюйжэни. Слышал я, цзюйжэню и землю дают, и от налогов освобождают!

— Да сколько тех цзюйжэней на весь уезд? В нашем роду отродясь ни одного не было, дело-то нелёгкое!

Карета остановилась у ворот дома, и соседи тут же высыпали на улицу поглазеть. В разгар страды в деревне было немногочисленно, так что Хуанянь сразу заметил Цзюцзю и Чуньшэна. Ребята, раскрасневшиеся от волнения, бежали навстречу.

Дети растут быстро. Всего месяц разлуки, а юноше показалось, что они вытянулись и повзрослели. Личико Цзюцзю посветлело, черты стали тоньше, а большие круглые глаза сияли — настоящая маленькая красавица. Чуньшэн заметно раздался в плечах и скакал вокруг, точно молодой бычок. Перед отъездом хозяева оставили вдоволь денег на провизию, и тётушка Цюянь явно не обижала малышей.

— Братец! Братец Хуа! Вы вернулись!

— Скорее домой! Нам с сестрой столько всего нужно вам рассказать!

Ребята крутились вокруг Цю Хуаняня. Поначалу они ещё сдерживались, поглядывая на строгого старшего брата, но видя, что тот молчит и не хмурится, совсем распоясались.

Юноша с улыбкой приветствовал соседей, обнимал детей и распоряжался переноской тюков и коробов в дом. Подарков и вещей было столько, что они заняли добрую половину кана в главной комнате.

Привыкнув к удобствам в городе, Хуанянь ещё острее почувствовал, как тесен и ветх их нынешний дом. К счастью, деньги на строительство уже были отложены, и скоро они справят новоселье. Молодой человек не видел смысла ждать. Даже если в следующем году они переедут в город, в старом доме им ещё зимовать, а это добрых полгода. К тому же в этих краях родовое гнездо почитали святыней. Даже если Ду Юньсэ в будущем станет столичным сановником, их корни останутся здесь, в уезде Чжан. Иметь добротную усадьбу в родных краях — дело верное и на всю жизнь.

Вскоре к ним пожаловал глава клана с сыном Баожэнем. Старик, опираясь на посох, шёл споро, а Баожэнь и Мэн Фуюэ едва поспевали за ним, поддерживая под руки.

Весть о результатах экзаменов дошла до уезда ещё пару дней назад. Поскольку в префектуре небывалое дело — объявился лауреат тройного успеха, уездный судья Ван Чуцы специально отправил гонца, чтобы возвестить об этой радости деревню Ду.

Увидев Ду Юньсэ, Чжэньхэ облегчённо вздохнул и, стукнув посохом, рассмеялся:

— Хорошо! Как же хорошо! В нашей деревне теперь свой Лидер трёх экзаменов!

Молодые люди усадили старика в доме. Тот примчался, как только услышал новость, и лишь теперь спохватился:

— Скорее, жена старшего, ступай домой. Зарежь курицу, купи рыбы да в лавке возьми пару цзиней мяса. Юньсэ с Хуа-гээр только с дороги, пушай вечером у нас отужинают!

Мэн Фуюэ с улыбкой ушла. Семья их была зажиточной, и один праздничный ужин не ввёл бы их в расход. К тому же она искренне любила Хуаняня, а теперь всякому было ясно — Ду Юньсэ ждёт великое будущее. Её сыну Юньчэну на пути к учёности ещё не раз может понадобиться поддержка такого родственника.

Старейшина долго расспрашивал Юньсэ об экзаменах. Он знал о вражде с семьёй Ду Юньцзина, поэтому, хоть и дивился, что те ещё не вернулись, спрашивать не стал. Когда расспросы поутихли, Хуанянь улучил момент:

— Глава клана, есть у нас к вам дело.

— Говори, Хуа-гээр.

— Собрал я за это время немного денег и хочу, пока погода стоит ясная, дом новый поставить. Расскажите, как у нас в деревне строиться заведено?

— Дом строить? — переспросил Чжэньхэ.

Усадьба Юньсэ и впрямь дышала на ладан, подлатать её было бы в самый раз. Но Хуанянь сказал не «чинить», а «строить». Даже простая мазанка под соломой обойдётся не меньше чем в пять лянов.

— Юньсэ хоть и стал сюцаем, но на ученье да поездки впредь денег уйдёт немало. Не беритесь за всё сразу, — осторожно посоветовал старик.

Хуанянь улыбнулся:

— О деньгах не беспокойтесь, всё рассчитано. Монеты приходят и уходят, а доброе жильё — это на века.

Глава клана вспомнил об успехах юноши с ирисками и хлопком, а также о слухах про его

знатную матушку, и сомнения его угасли. Если Юньсэ был одарённым ребёнком-цилинем, то и Хуанянь оказался не промах. Видно, сама судьба свела их вместе. Для такого человека, как Хуанянь, новый дом в деревне не станет непосильной ношей.

— Строиться-то нехитро: были бы материалы да мастера. Соломенный дом в пять-шесть дней поднимем, только скажите, когда начинать.

— А если я хочу дом из кирпича да под черепицей?

Встретив изумлённые взгляды старика и Баожэня, юноша спокойно продолжал:

— Я надумал выкупить у соседки, тётушки Чжуан, половину её сада, что к нам примыкает. Землю разровняем, там и поставим дом. А в нынешнем дворе оставим огород да загон для скотины. Что скажете?

Баожэнь помялся и выдал:

— Хуа-гээр, богатство напоказ выставлять — беду кликать.

Хуанянь рассмеялся:

— Раньше-то я таился, а теперь, когда Юньсэ — Лидер трёх экзаменов, кого нам бояться?

Судья Ван и так благоволил Ду Юньсэ, цзюйжэнь Сун из соседнего городка выказал своё почтение, а громкое звание сюця заставило бы любого завистника трижды подумать, прежде чем пакостить. Даже владелец лавки пряностей Вэй Дэсин, мастер помыкать слабыми, теперь наверняка локти кусает, что упустил случай подружиться с таким талантом. Скрывать достаток и жить в нужде, когда дела идут в гору — всё равно что отказывать себе в еде из страха подавиться.

Старик задумался и кивнул:

— Твоя правда, Хуа-гээр. Коли деньги есть, надо строить на совесть. Пушай Баоянь на том свете порадует за сына.

В своей деревне негоже трусить. А если кто посмеет озорничать — так старый глава клана ещё не настолько дряхл, чтобы не приструнить наглеца! Баожэнь, знавший толк в строительстве, добавил:

— В наших краях кирпичные дома редкость. Кирпич да каменщиков в уезде заказывать надобно. Да ещё лес для стропил нужен добрый, черепица... Трат будет уйма. К тому же кирпичный дом — не соломенный. За неделю не управимся. Простые мужики класть не умеют,

только мастерам под силу. Ежели людей собрать вдоволь, то за месяц, почитай, управимся. Коли решил, Хуа-гээр, начинать надо сейчас. Через пару месяцев в полях самая работа пойдёт — ни одной лишней руки в деревне не сыщешь.

Хуанянь кивнул. Сроки были как раз те, на которые он рассчитывал. В эти времена не нужно было ждать, пока выветрится химия: в кирпичный дом можно было въезжать сразу. Один месяц — цена вполне приемлемая за уют и покой.

— Тогда попрошу вас, дядя Баожэнь, прикинуть все расходы. Как всё решим — так и за дело. Уж не оставьте нас своей заботой.

— О чём речь! — охотно отозвался Баожэнь. Отец уже всё ему разъяснил: ради будущего своего сына Юньчэна он расшибётся в лепёшку, но поможет родственникам.

<http://bllate.org/book/15363/1412941>